

ЭТНОГРАФИЯ ТАДЖИКИСТАНА

СБОРНИК
СТАТЕЙ

с.295, рис.22. Жданко Т.А. Народное орнаментальное искусство каракалпаков. Там же, с.407.

24. Писарчик А.К. Строительные материалы и конструктивные приемы народных мастеров Ферганской долины в XIX-начале XX в. - В кн.: Средне-азиатский этнографический сборник. 1. - Труды ИЭ, нов. сер.; т. XX1. М.: изд-во АН СССР, 1954, с.223.

25. В 1928 г., когда автору удалось посетить таджикские кишлаки бассейна Пскема, там можно было встретить глиняные лари (хамба), украшенные как выпуклым налепным орнаментом, так и вогнутым, при котором орнамент наносится пальцем по сырой глине. Размеры их колебались от 1,5 м до небольших переносных. Две из них опубликованы в монографии о гончарстве Средней Азии (Пешерева Е.М. Гончарное производство Средней Азии, с.104, рис. 34-4,5). На них узоры в виде змеи нанесены пальцем по сырой глине.

26. Андреев М.С. По этнологии Афганистана. Долина Пандшир. Ташкент. 1927, фото между с.24 и 25.

27. Андреев М.С. Орнамент горных таджиков и киргизов Памира, с.13, рис. 8; Воронина В.Л. Указ. соч., с.141, 142.

28. ТК и Д. вып.1, с.255, 258, рис. 55; ТК и Д. вып.2, с.92, 93, рис. 51.

29. Название кули больше применялось к открытым ящикам (хамба) - хранилищам типа шкафа с крышкой и с отверстиями для насыпания и доставания зерна и муки.

30. Пешерева Е.М. Указ. соч., с.101-108; Хамиджанова М. Некоторые представления таджиков, связанные со змеей. - В кн.: Памяти М.С. Андреева-Труды / Ин-та истории, археологии и этнографии АН Тадж. ССР, т.СХХ; Сталинабад: изд-во АН Тадж.ССР, 1960, с.213-223.

Б.Х. КАРМЫШЕВА

СТАЦИОНАРНОЕ ЖИЛИЩЕ. УЗБЕКОВ-ЛОКАЙЦЕВ (СЕРЕДИНА 1940 - НАЧАЛО 1950-х гг.)

В настоящем сообщении рассматривается стационарное жилище одной из наиболее крупных полукочевых в прошлом групп узбеков Южного Таджикистана, племенное название которой было "локай", в литературе за нею закрепилось наименование "локайцы".¹ Оседание этой группы, а значит, и освоение ею стационарного дома происходило с середины XIX и до конца 20-х гг. XX в. До этого основным видом жилища узбеков-локайцев была деревянная решетчатая юрта, крытая войлоком. Наряду с ней в качестве сезонного жилища или жилья бедняков бытовали у них разнообразные шалаши. Краткие сведения о юрте и шалашах локайцев, а также вопросы оседания их и освоения ими стационарного жилища уже публиковались мною.² Более обстоятельное рассмотрение их - тема специального исследования. Задачей же настоящей работы является введение в научный оборот материалов по тому типу стационарного жилища этой группы узбеков Южного Таджикистана, который был наиболее распространенным у них во второй половине 1940-х и начале 1950-х гг., когда проводилось мною изучение их быта.³ Для него были характерны глинобитные стены и двускатная кровля, покрытая травянистыми растениями (см. ниже). Такая крыша называлась локайцами чоттара (от тадж. чубтора; в-кулябском говоре таджикского языка - чиптора⁴). Это название обычно переносилось и на дом в целом.

Дома с крышей чубтора широко бытовали вплоть до 1950-х гг. в Южном Таджикистане (преимущественно в его долинных и предгорных районах), как

среди таджиков, так и узбеков. Своей необычностью для Средней Азии они поражали первых русских путешественников, посещавших Гиссарский край, и вызывали у них ассоциации то с избами, то с украинскими хатами⁵. Причину бытования двускатных крыш исследователи справедливо видели в обилии дождей, выпадавших здесь в определенные сезоны⁶, или в обилии тростника⁷.

В собственно этнографической литературе двускатная крыша впервые упоминается А.А.Семеновым как встречающаяся в виде исключения в Дарвазе для покрытия высоких двухэтажных домов⁸. Однако, как явствует из опубликованного в этой книге фотоснимка⁹, двускатные крыши были встречены им в равнинных районах бассейна верхнего течения Амударьи.

Впервые описание (хотя и краткое) двускатной крыши, снабженное рисунком и фотографией, с упоминанием термина "чубтора" для ее обозначения, было опубликовано М.С. Андреевым¹⁰. Его данные (1924-1925 гг.) относятся к Варзобу, Гиссарской долине и Бальджуану. Им была зафиксирована крыша того типа, при котором она "является собственно покрывкой, своего рода зонтиком для плоской, обычного типа среднеазиатской крыши, смазанной глиной и находящейся под ней, иногда на некотором расстоянии от нижних концов двускатной крыши. Промежуток между двускатной крышей и крышей-потолком служит для склада запасов, чаще всего сена"¹¹.

Двускатная крыша как характерная особенность таджикского жилища равнинных и предгорных районов Куляба была отмечена Н.А.Кисляковым во время поездки 1940 г.¹² Исследования середины и второй половины 1940-х гг. позволили установить, что описанный М.С.Андреевым тип двускатной крыши не был единственным в Южном Таджикистане. Часто плоский потолок вовсе отсутствовал: высокая двускатная кровля была одновременно и потолком.

Когда в 1945 г. у узбеков-локайцев мне встретились дома с крышей последнего типа, то у меня возникло предположение, что примитивность его — отсутствие плоского потолка с земляной засыпкой — результат недостаточного освоения бывшими кочевниками стационарного жилища оседлого населения. Однако исследования А.К.Писарчик в Кулябе в 1948-1949 гг. показали, что в долинных и предгорных районах этой области чубтора, являвшаяся одновременно и потолком, широко бытовала и у таджиков, наряду с плоским балочным перекрытием с земляным настилом, а также с такой же кровлей и двускатной крышей-зонтом над ней¹³.

Оба типа двускатного покрытия были зафиксированы у таджиков Гиссарской долины и Куляба и архитектором В.Л.Ворониной в 1952-1953 гг. и названы ею чердачным и бесчердачным покрытиями¹⁴. В этой работе впервые опубликованы план и разрез двух домов (таджиков Гиссарской долины) с покрытием типа чубтора, чердачного и бесчердачного¹⁵.

Существование бесчердачного перекрытия представляет интерес в связи с высказанной М.С.Андреевым мыслью о том, что двускатная крыша (в виде зонта, опирающегося на стойки-жерди, поставленные на плоскую крышу) не является показателем "недостаточной спаянности" двух видов крыш — двускатной, исконной для Гиссара, и плоской, характерной для более сухих мест, по мере продвижения последней на Гиссар¹⁶.

Устройство крыши-зонта в домах таджиков Дарваза и Каратегина обстоятельно освещено А.К.Писарчик¹⁷. Данные о таджикском жилище-чубтора пополнены ныне материалами по привахшским районам И.Мухиддинова¹⁸ и Е.М.Пешеревой (см. ее статью в настоящем сборнике).

Об узбекском доме — чубтора опубликованы, помимо упоминавшихся кратких сведений, относящихся к локайцам (см. примечание 2), материалы Н.Г.Борозны (такие же краткие), касающиеся дурменов — другой полукочевой в прошлом группы, жившей по соседству с локайцами¹⁹.

В 1945-1954-х гг., когда проводились мною полевые исследования, локайцы в основной своей части еще жили в маловодных низкотеррасах Южного Таджикистана. Главным занятием их было непользованное хлебопашество и отгонно-пастбищное скотоводство. Меньшая их часть, переселившись в долины крупных рек (Вахша, Кафирнигана, Кызылсу и Яксу), начала осваивать хлопководство. Колхозы низкотеррасной зоны были в то время невелики — они объединяли крестьян нескольких кишлаков, а кишлаки состояли в основном из двух-трех десятков дворов и еще сохраняли облик зимовок кочевников-степняков. Дома были свободно раскиданы по склону холма или располагались без всякого порядка на двух противоположных склонах вдоль небольшого сая (русла ручья, обычно пересыхающего летом). Дворы, представлявшие свободную площадку перед домом для размещения на ночь скота, не были огорожены, не было при них ни огородов, ни садов, лишь изредка можно было увидеть одно-два дерева тут или карагача.

Каждый дом был жилищем одной индивидуальной семьи. Если сына выделяли не сразу после женитьбы, а несколько лет спустя, то к родительскому дому пристраивали одно-два помещения для молодой четы. Когда сына выделяли, то ему поблизости строили новый дом, а занимаемые им прежде комнаты использовались для приема гостей-мужчин или превращались в кладовую, пока не наступало время женить следующего сына. Меньшой сын (как и единственный) оставался с родителями, а после их смерти наследовал отцовское имущество, в том числе и дом.

Чоптара локайцев представляла собой прямоугольный в плане дом, разделенный внутренними глинобитными перегородками на два или несколько помещений различного назначения, расположенных в один ряд.

Выбор места под постройку. Для возведения дома выбирали ровную площадку. При необходимости ее расширяли, срезав с края часть склона лессового холма, а полученной при этом землей заполняли неровности и покатоности будущего двора. Дом обращали фасадом преимущественно на юг или юго-восток, но устойчивой традиции на этот счет не было, поскольку локайцы жили в пересеченной местности: важно было обращать жилище непременно в сторону понижения местности, задней стороной к горам или холмам. Дом строили без фундамента. План будущего дома отмечали на выбранной площадке с помощью кольев и веревки.

Строительные материалы. Основными строительными материалами служили лёсс, лес и травянистые растения. Лёсс для возведения стен брал тут же: вдоль будущих стен, с наружной их стороны, вскапывали железной лопатой землю и, заливая ее водой, оставляли до утра. Пропитанный за ночь водой лёсс доводили до готовности (до состояния густой и вязкой глины) путем длительного вымешивания ногами или же гоняя лошадей.²⁰ Воду для замешивания глины порой приходилось привозить издалека, навьючив кувшины или бурдюки на ослов или лошадей. Трудности доставки воды иногда ограничивали размеры постройки. Стены жилища поэтому старались возводить весной, когда в ручьях и родниках вода еще не убывала, но не ранней весной, чтобы весенние дожди не стали помехой.

Строительный лес, применение которого стремились свести к минимуму, привозили из тугаев речных долин или из горных ущелий. Труднее всего было добыть более или менее прямое и достаточной длины и толщины бревно для центральной продольной балки. Для решетчатого каркаса кровли шли более или менее прямые жерди различной толщины, даже с развилкой на конце. Для скрепления их как между собой, так и с продольной балкой употреблялись фисташковые (псте) прутья, которые перед этим скручивали руками, взявши за один конец, а другой — прижав ступней к земле. Скрученные таким образом прутья фисташки считались чрезвычайно крепкими. „Сым сынады, бу сынамайды“ (Проволока порвется, это не порвется), — говорили мне собеседники.

В этнографической литературе утвердилось мнение, что для покрытия двускатной чубторы употреблялся камыш. Однако это мнение ошибочно. Тем более

ошибочно встречающееся иногда в литературе утверждение о соломенных крышах. Распространенные в прошлом в Узбекистане и Таджикистане способы молотбы (прогон скота или волокуши по разостланным на току снопам) исключали получение достаточно длинной соломы, годной для покрытия крыши. В действительности же для этой цели использовался ряд травянистых растений из семейства злаковых — эриантус краснеющий (*Erianthus purpurascens* Anderss.), тростник обыкновенный (*Phragmites communis*), императа цилиндрическая (*Imperata cylindrica* (L.) P. B.), а также осока и некоторые другие, подобные ей, травы с линейными листьями, объединяемые местным населением общим названием "кыйяк" (кыёк). Так называют и императу, многочисленные остатки старых узких листьев которой образуют "муфту" у основания ее стеблей. Что касается эриантуса и тростника, то местное население называет их "камыш" (тадж. — қамиш; локайский говор узбекского языка — камыш), наряду с собственно камышом, относящимся к семейству осоковых. Это обстоятельство, видимо, и ввело в заблуждение исследователей. Вместе с тем, как удалось выяснить на месте, узбекское население южных районов Таджикистана и Узбекистана различает два вида "камыша": эриантус, стебли которого заполнены сердцевиной, называют эркак камыш — "мужской камыш" (буквально — "камыш самец") или нор камыш — "камыш верблюдо-самец" (как более прочный), а тростник, стебли которого полые, называют ургачи камыш — "женский камыш" (буквально "камыш-самка"). Эриантус широко распространен не только в речных долинах, но и на адырах, поэтому именно он чаще всего употреблялся на покрытие чоптары. Имела значение и прочность его. Тростник же, растущий главным образом в тугаях, шел преимущественно на постройку юртообразного шалаша (чум-капе), служившего в прошлом одним из видов жилища в долинах рек в южных районах Таджикистана и Узбекистана²¹.

Процесс постройки. Дом каждая семья обычно строила своими силами. При недостатке мужских рук приглашали на помощь родственников или нанимали рабочих. Стены (дуал; тадж. — девол) возводили сначала два человека: один отделывал железной лопатой кусок густо замешенной и выстоявшейся глины и подавал его второму, который, сидя на корточках (на земле — при возведении первого слоя, на стене — в дальнейшем), с силой прилепывал этот кусок к предыдущим и выглаживал края²². Стена не сразу возводилась до нужной высоты, а наращивалась горизонтальными слоями (пеш) высотой 60–70 см и толщиной 40–47 см. Пока завершали один слой, начало его подсыхало, и на него начинали лепить следующий. Такой способ исключал оседание нижележащих слоев (сообщение А. Саматова). По данным А. К. Писарчик, следующий слой начинали выкладывать только тогда, когда предыдущий растрескается. Это предохраняло "от образования сквозных трещин через все слои"²³. Линия наложения одного слоя глины на другой была хорошо заметна, так что всегда можно было сосчитать, во сколько приемов возведена стена. Наличие этих горизонтальных линий и вертикальных трещин создавало впечатление, будто стена сложена из крупных глиняных блоков. Как видим, встречающееся нередко в литературе (особенно археологической) выражение, что стена возведена из паксовых (или глиняных) блоков, ошибочно. Ошибочность этого представления подтверждается тем, что "блоки" эти вряд ли под силу поднять (да еще на значительную высоту) даже двоим.

При выкладывании второго и последующих слоев расстояние между рабочими увеличивалось и требовалось, чтобы между ними встал третий для передачи глины. Когда все стены имели 3–4 слоя паксы, еще на 3–4 слоя наращивали торцовые стены и параллельные им внутренние перегородки; при этом каждый последующий слой делался короче предыдущего, в результате чего получались треугольные шипы, на вершине которых укладывали центральную балку (реу, уреу; тадж. — рав), или если строили два и более помещения, то соответственно — две или несколько балок.

Следующий за сооружением стен процесс – возведение кровли. Каркас ее представлял собою решетку из жердей. Сначала укладывали поперечные слеги (даstek; тадж.-дастак "жердь") на расстоянии до 1 м и менее друг от друга. Одним концом они опирались на центральную балку, а другим – на продольные стены, при этом концы их несколько выступали (рис. 1), в результате чего крыша имела в обе стороны свесы (до 1 м), защищающие стены от дождя. Поперек слег (параллельно центральной продольной балке) укладывали более тонкие жерди. При недостатке леса их нередко заменяли пучками эриантуса или тростника. В местах перекрещивания жерди скреплялись друг с другом кручеными фисташковыми прутьями. Таким же образом прикреплялись и верхние концы слег к центральной балке (рис. 2). Если некоторые слеги были короткими и доставали стен, то их наращивали, привязав еще одну жердь.

Для покрытия двускатной крыши локайцы в зависимости от используемого материала применяли два способа. При первом способе крышу покрывали снопами эриантуса или тростника (т.е. стеблями вместе с листьями), при втором – только листьями этих растений, а также осокой и другими травами с линейными листьями. В дальнейшем для удобства изложения я буду употреблять для обозначения материалов первого способа только слово "тростник", а второго – "осока".

При первом способе тростник, достигающий здесь высоты до трех и более метров, ровным слоем укладывали на скат крыши головками вниз. На гребне крыши толстые концы стеблей тростника, уложенного на противоположных скатах, сплетали между собой. К решетчатому остову крыши тростниковое покрытие прикрепляли, прижав его с помощью одного или нескольких рядов жердей или пучков тростника, уложенных вдоль крыши и привязанных к слегам кручеными фисташковыми прутьями или травяной веревкой, свитой из листьев того же эриантуса или, возможно, рогоза.

Если же крышу покрывали осокой, то сначала на решетчатый каркас расстилали сетку (тор, шаппе). Она была двух видов: 1) тогара – из стеблей тростника и травяной веревки; 2) из крученых фисташковых прутьев. Для изготовления первого вида брали две или три (в зависимости от длины тростника) веревки, свитые из двух жгутов, и протягивали их по земле параллельно друг другу, расстояние между ними было около 2 м. Сквозь каждый второй виток, образовавшийся при витке веревки из двух жгутов, пропускали последовательно пучок из трех тростин. Получалась довольно густая сетка (расстояние между параллельными пучками тростника около 10 см). Ее, свернув в виде рулона, подымали на крышу и там разворачивали так, чтобы тростник ложился вдоль крыши, а веревки – поперек, от нижнего края одного ската до нижнего края другого. На сетку стелили осоку и сверху еще раз покрывали описанного вида сеткой (рис. 3). Таким образом, травяной настил кровли оказывался в чехле из сеток. Поскольку ширина сетки не превышала длину тростника, на покрытие кровли дома требовалось несколько ее звеньев. Концы травяных веревок верхней сетки для ее закрепления привязывали к нижним концам слег или к колям, специально для этой цели вбитым в продольные стены дома, фисташковую сетку плели из прутьев диаметром в 1–2 см. Места скрещения перевязывали более тонкими.

При отсутствии тростника и фисташки травяной настил прикрепляли к решетчатому каркасу крыши несколькими рядами горизонтально положенных жердей, как описано выше. Но этот способ считался хуже, т.к., чтобы прикрепить жерди к дастакам, приходилось пропускать веревку или фисташковые прутья сквозь травяной настил, а это могло привести к течи во время дождей.

Закрепление покрытия из осоки с помощью сетки было характерно для гиссарской группы районов, а жердями – для кулябской. В Дангаринском районе мне говорили, что там не растет трава, из которой вяют веревку для сетки, и поэтому они вынуждены закреплять настил жердями. К сожалению, мне не удалось выяснить, что это за трава.

Спустя три года крышу приходилось ремонтировать, а спустя 4-5 лет ее перекрывали. Эти работы производили обычно осенью, перед наступлением периода дождей. Если своевременно ремонтировать и перекрывать крышу, говорили мне информаторы, то чоптара может простоять много десятков лет, и показывали дома, построенные 40-50 лет тому назад.

С 1950-х гг. в локайских кишлаках все чаще стали применять обмазку крыши поверх трав (рис. 1). Стали встречаться дома и с полого-двускатными крышами, когда поверх хвороста и травы (в частности, льна или верблюжьей колючки) делали земляную засыпку, а затем обмазывали. В двух последних случаях на решетчатый каркас кровли сначала стелили покупные тростниковые циновки-буйра, что придавало потолку более опрятный вид (рис. 4).

Следующим этапом в строительстве дома являлась вставка дверей и окон. Проемы для них оставляли еще при закладке стен. Двери (йешик) делали ниже человеческого роста (1,55-1,65 м), как в юрте. Дверная рама (дастык) изготовлялась из досок или жердей, или даже из стеблей ферулы (*Ferula assafoetida*). Двери делались обычно двустворчатыми из досок, без каких-либо украшений.

Окна, называвшиеся дариче (тадж. - дарича) или просто тешик ("дыра", "отверстие"), представляли собою прямоугольные проемы (примерно 60х80 см или даже меньше), закрывавшиеся одной дощатой створкой с железной цепочкой в верхнем углу для запираения. Окна с застекленными рамами (тиразе, тадж. - тиреза) в 1940-х гг. встречались редко, обычно - в мехманхане сельской интеллигенции. Чаше можно было видеть небольшие квадратные (примерно 30х30 см) или даже треугольные отверстия в стене с вмазанным в них стеклом, без рамы. Створки дверей и окон вращались на шипах (тёрбе), которые вставлялись в специальные отверстия (тёшек) в нижнем и верхнем косяках.

В стенах жилого помещения еще при возведении их делали ниши разных размеров, преимущественно треугольной формы. Выравнивание и утрамбовка пола являлись последними процессами в постройке дома.

Обмазка стен распространилась в годы нашего обследования: если в середине 1940-х гг. стены обмазывали только в жилой комнате, нередко даже не до потолка, а всего лишь на 3/4 высоты, и довольно небрежно, то 10 лет спустя стали обмазывать стены даже снаружи, обычно фасад, а иногда и торцовые стены. В Даганакииском и Кокташском районах в 1945 г. несколько раз приходилось встречать даже рисунки (гул) на стенах жилой комнаты или прихожей (рис. 5, а и б). Рисунки эти, как и у таджиков, наносились козьяйкой дома разведенными в воде мелом или известью. По своему характеру они близки таджикским и, как выяснилось на месте, были принесены в узбекскую среду таджичками, вышедшими замуж за локайцев.

Отопление. Данные об эволюции отопления жилища рассматриваемой группы узбеков мною уже публиковались²⁴. В 1940-х гг. для обогрева жилой комнаты уже служил сандал - низенький квадратный столик, ставившийся над жаром прогоревшего в очаге топлива и покрывавшийся толстым ватым одеялом²⁵. Люди грелись, усевшись у столика и просунув ноги и руки под одеяло, а на ночь тут же вокруг сандала располагались спать. Сандал, как и специальный очаг для него, был заимствован локайцами у соседей-таджиков. Очаг для сандала (сандал-очак) представлял собой круглую суживающуюся кверху яму, глубиной 40-50 см, диаметром у основания 60-70 см, у отверстия около 25 см. Стены ямы тщательно обмазывались глиной. Получалась как бы корчага с широким основанием, вкопанная в пол. Пол комнаты вокруг очага (квадрат размером 85х85 см) бывал немного (на 5-6 см) углублен и также тщательно обмазан глиной. На востоке Кулябской области, где локайцы жили смешанно с таджиками, они заимствовали у соседей и более совершенный сандал-очак с поддувалом, который представлял собой канал, проходящий под полом комнаты

от нижнего края очажной ямы к порогу²⁶, а иногда он выводился наружу под порогом.

Топливом для этого очага служили верблюжья колючка (янтак), сухой бурьян, солома. Дымоход представлял собою овальное или круглое отверстие в крыше над очагом. На крыше над ним делали заслон из тростниковой шинки или прутьев и травы. Однако далеко не во всех домах имелся дымоход — дым выходил из раскрытых дверей и окон, а также щелей, всегда остающихся на стыке крыши и стен.

В некоторых местах, в частности в локайских кишлаках Яванской долины, описанный выше очаг не получил распространения. Там в жилой комнате делали обычный для этой группы узбеков кухонный очаг (чер-очак — "земляной очаг"), имевший вид неглубокой (30–35 см) ямы грушевидной формы (длина 70–75 см, диаметр круглой части 25–30 см). Круглая часть этой ямы несколько расширялась к основанию. Стенки очага тщательно обмазывались глиной, поэтому на раскаленных стенках его иногда пекли небольшие лепешки. В Даганакиикском, Кокташском и Яванском районах широкую часть очага обрамляли глиняным валиком, высотой в 8–10 см. При варке пищи на этот валик ставили котел, а при выпечке хлеба — плитку песчаника, толщиной в 2–2,5 см, имевшую форму круга или квадрата с закругленными углами и называвшуюся таш-таба ("каменная сковорода"). Этот валик в середине (против удлиненной части очага, откуда подкладывалось топливо) прерывался (или имел выемку в виде мысика), образуя отверстие для тяги. При отсутствии валика котел или каменную плиту устанавливали на трех камнях. Во время варки пищи или выпечки хлеба в этом же очаге в медных кувшинах кипятили воду для чая, ставя их перед котлом.

Сандал стал распространяться среди локайцев не ранее начала XX в. и преимущественно в долинных кишлаках, где всегда ощущался недостаток дров. В местах же, где имелись поблизости заросли фисташки, чоптара, как и юрта, отапливалась разложенным на полу костром.

Освещение. В 1940–1950-х гг. в описываемых маловодных районах Южного Таджикистана освещением в основном служила керосиновая лампа, пришедшая на смену более примитивным способам²⁷ после установления Советской власти. В местах, расположенных вблизи городов и районных центров, в годы нашего обследования уже было электричество.

В планировке жилища в середине 1940-х — начале 1950-х гг. наиболее распространенными были следующие варианты:

1. Дом из двух помещений — жилой комнаты и передней.
2. То же, но с верандой вдоль всего фасада.
3. Дом из двух помещений того же назначения, с верандой, пристроенной к одной из торцовых стен.

Первый вариант был господствующим в гиссарской группе районов. функции веранды как летнего жилища здесь выполняла глинобитная площадка (суфа; тадж. — суфа), располагавшаяся во дворе, обычно перед домом (рис. 6) или рядом с ним (рис. 10).

Второй вариант был характерен для кулябской группы районов, в частности для локайских кишлаков бассейна Кызылсу. Веранда (бастырма) покрывалась свесом кровли (рис. 7, а и б). Матица поддерживалась несколькими стойками-жердями с развилкой на конце. Веранда с одного бока или обеих имела стенку, нередко не доходившую до крыши. У одной из боковых стен устраивали очаги. У продольной стены складывали постельные принадлежности. Пол веранды обычно делали немного выше уровня земли, а иногда с одной стороны сооружали и суфу.

При третьем варианте планировки веранда, пристроенная к торцовой стене, покрывалась двускатной кровлей на жердях или столбах. Она могла быть открыта с одной, двух или даже трех сторон.

Приведенные наиболее распространенные варианты планировки касаются

только жилой части дома. Как уже мне приходилось отмечать²⁸, дом у локайцев обычно представлял собою длинную постройку, разделенную глинобитными перегородками на ряд помещений²⁹. Сначала шли два смежных жилых помещения — комната и передняя (если вместе с родителями жил женатый сын, то две пары таких комнат), а затем ряд помещений самого разнообразного хозяйственного назначения, каждое из которых, как правило, имело отдельный вход: кухня (ашкана), кладовая (амбар), помещения для хранения различных видов топлива — кизяка (тезэқкана), дров (отынқана), бурьяна (қорайқана), затем для хранения соломы (саманқана) и, наконец, один или несколько хлевов (ағыл) (рис. 8, 9). В каждой усадьбе были представлены отнюдь не все эти помещения и возводились они не одновременно, а постепенно, по мере возможности и необходимости, пристраивая к уже имеющимся, соответственно наращивая и крышу. Как нам приходилось наблюдать во время полевых исследований в Южном Таджикистане, то же было характерно и для других полукочевых в прошлом групп узбеков. Подобные многокамерные длинные дома зафиксированы и Н.Г.Борозной у узбеков-дурменов Бабатага³⁰. Случаи, когда все хозяйственные постройки или часть их (в частности, хлева) располагались под углом к жилому дому или напротив него, т.е. огораживая двор с противоположной стороны, также имели место, но встречались они значительно реже.

Мийманқана, дом для гостей-мужчин, состоявшая, как правило, также из комнаты и передней, не всегда строилась в один ряд с перечисленными выше помещениями: нередко это было отдельное строение, возведенное напротив длинного дома или под углом к нему (рис. 9, 10).

В годы нашего обследования мехманхана была редким явлением — она обычно имелась лишь у руководителей колхозов. Мехманхана обычно отличалась от других помещений более тщательной отделкой: стены с внутренней стороны бывали обмазаны, а иногда и побелены, в окна вставлены застекленные рамы, потолок делался пологодвускатным. Отапливалась мехманхана небольшой покупной железной печкой, но иногда встречалась и печь-плита того же типа, что описана А.К.Писарчик у таджиков Каратегина и Дарваза³¹.

В описываемое время перечисленные элементы благоустройства были новшеством и для их выполнения нанимали специального мастера, обычно русского или татарина.

Иногда дом для гостей делали двухэтажным, при этом верхний этаж (ба-лакана; тадж. — болохона), имеющий двускатную крышу, служил, как и в описанных выше таджикских домах, для хранения сена, а иногда зерна, соли и др. продуктов (рис. 10).

Интерьер. Рассмотрим внутреннее устройство и назначение каждого помещения в доме (рис. 8, 9) в типичном порядке, а именно: с жилой комнаты (киргич-уй "комната посещений", или дёрди; тадж. — дарун — внутренняя, женская часть дома). В этой комнате проходила повседневная жизнь семьи в зимний период, и в ней же принимали гостей, как женщин, так и мужчин (исключая те редкие случаи, когда имелась мехманхана). Если женатый сын жил вместе с родителями, то гостей обычно принимали в киргич-уй молодой пары, как более нарядной и чистой комнате³².

В киргич-уй можно было попасть через переднюю комнату (далан; тадж. — долон³³). Пол в киргич-уй бывал на одном уровне с полом далана или немного выше. Освещалась комната двумя или тремя дариче, устроенными в противоположных продольных стенах. Благодаря этому комната освещалась сквозняком. Дариче бывали на высоте 24–30 см над полом, и через эти проемы обычно ходили, особенно дети. Чтобы удобно было спускаться, с наружной стороны к дариче пристраивали глиняную ступеньку или приставляли камень. Дощатая створка, которой прикрывалось дариче, устанавливалась так, что подоконник оказывался снаружи. Размеры дариче в одной и той же комнате могли быть различными, в среднем 65х90 см.

Как уже отмечалось, на расстоянии 1-1,5 м от входной двери на полу киргич-уй располагался сандал-очак, который на летний период заполняли соло-мой и сверху засыпали землей.

Несколько треугольных ниш (такче; тадж. — токча), сделанных на разной высоте, служили для хранения предметов женского рукоделия (мешочка с швей-ными принадлежностями, лоскутов тканей и т.п.). В правом от входа углу кир-гич-уй приделывались две треугольные полки, одна над другой; нижняя на высо-оте 70-80 см от пола, верхняя — 1,5 м. Они назывались нан-чайлау — "мес-то для хлеба".

Передняя (далан) являлась одновременно и зимней кухней. Лишь в наибо-лее зажиточных домах (рис. 9), где для приготовления пищи имелось особое помещение (ашкана) с отдельным входом или даже со своей передней, далан жи-лой комнаты становился местом постоянного пребывания семьи в зимнее время, а киргич-уй приобретал парадный характер. Иногда в далане сооружали глино-битное возвышение-суфу, оставляя лишь проход от входной двери к двери кир-гич-уй (рис. 8, помещ. 2).

Далан, являвшийся одновременно и кухней, отличался от киргич-уй мень-шими размерами и наличием очага грушевидной формы. Очаги, находившиеся в помещении, использовались лишь в холода, а в остальное время пищу готовили во дворе, под открытым небом или под навесом. Для этого сооружали такие же очаги, как и описанные выше. В 1950-х гг., однако, стал распространяться и наземный очаг (котарме очак; букв. — "приподнятый") в виде глиняного валика подковообразной формы, а также небольшие очаги (чай-очак), устраиваемые спе-циально для кипячения в металлическом кувшине воды для чая.

Если в 20-30-е гг. узбеки-локайцы в глинобитных домах жили лишь в те-чение трех зимних месяцев, а на остальное время переселялись в юрты или ша-лаши (их обычно ставили на бахчах, располагавшихся в окрестностях кишлака), то в годы нашего обследования чоптара функционировала уже круглый год. Прав-да, на весь теплый период повседневная жизнь семьи в основном перемещалась на веранду или суфу, но все же киргич-уй сохранялся в прибранном виде, и там нередко в дневную жару отдыхали, принимали гостей, укладывали спать малень-ких детей.

Суфу сооружали непосредственно перед домом (рис. 6), а если во дворе росло дерево, то в его тени (рис. 10). Однако суфа имела не в каждом дворе. Там, где ее не было, располагались прямо на земле около дома. В 40-е, и осо-бенно в 50-е гг., у узбеков-локайцев, как и таджиков Каратегина и Дарваза³⁴, получила распространение большая деревянная кровать-манче (рис. 7а)³⁵.

Традиционным местом для сна во дворе был помост (чайле) на жердях, вбитых в землю (рис. 11). Как и у таджиков³⁶, он был распространен в тех местах, где водилось много комаров.

Изложенные выше материалы позволяют сделать следующие выводы:

1. Стационарное жилище — чоптара было заимствовано полукочевыми узбе-ками-локайцами у своих соседей-таджиков. Об этом свидетельствуют как запи-санные мною семейные предания, так и терминология, связанная с жилищем.

2. Зафиксированное мною в 1945-1954 гг. жилище локайцев отражает второй (но не последний) этап переходного периода, от кочового жилища к ста-ционарному. Оно свидетельствует о том, что по сравнению с начальным перио-дом освоения стационарного жилища³⁷ сделан еще один существенный шаг к его благоустройству: двухкамерная жилая часть дома, приготовление пищи вне жилой комнаты, обмазка стен, обогревание с помощью сандала, освоение побелки стен, устройство потолка, застекление окон, печное отопление (правда, пока преиму-щественно в мехманхане), освещение керосиновой лампой, а местами и электри-чеством, устройство суфы или использование деревянного помоста в виде широ-кой кровати.

П Р И М Е Ч А Н И Я

1. О локайцах см.: Кармышева Б.Х. К вопросу о происхождении локайцев. - СЭ, 1952, №4, с.11-29; Она же. Узбеки-локайцы Южного Таджикистана. Вып. 1. Историко-этнографический очерк животноводства в дореволюционный период. Сталинабад, 1954, 167 с.; Она же. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. М., 1976, с.97-102, 231-236.
2. Кармышева Б.Х. Узбеки-локайцы..., с.45-48, 136-139.
3. Материалы по данной теме были собраны мною в 1945 и 1947 гг. в Даганакиикском, Яванском и Кокташском районах и дополнены в 1948-1949 гг. во время работы в составе Кулябской этнографической экспедиции Института истории, языка и литературы Таджикского филиала АН СССР под руководством А.К.Писарчик, а в 1949 г. - при ее непосредственном участии (Писарчик А.К. Кулябская этнографическая экспедиция 1948 года. - Изв. Тадж. фАН СССР, 1949, №15, с.85-97; Писарчик А.К. и Кармышева Б.Х. Опыт сплошного этнографического обследования Кулябской области. - Изв. АН ТаджССР, 1953, вып. 3, с.73-97. Некоторые дополнения были сделаны и в 1953-1954 гг. во время моих поездок с фотографиями Н.В.Темновым и П.Г. Чучевым и художницей М.Р.Габе. Полевые материалы указанных лет и рукопись работы "Жилище и утварь локайцев" хранятся в архиве Института истории им. Ахмада Дониша АН ТаджССР, так же как и негативы (фототека, коллекции 16 и 26) и рисунки.
4. Писарчик А.К. и Кармышева Б.Х. Указ. соч., с.93.
5. Маев Н.А. Очерки Гиссарского края. - Материалы для статистики Туркестанского края. СПб., 1878, вып.5, с.186; Стеткевич. Военно-статистический очерк 1889 г. - В кн.: Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, СПб., 1894, вып.57, с.242, 243; Липский В.И. Горная Бухара, ч.Ш. СПб., 1905, с.585; Андреев Г. В Гиссаре. - Туркестанские ведомости, 1916, №72, и др.
6. Варыгин М.А. Опыт описания Кулябского бекства. - ИРГО, 1916, т.52, вып. 10, с.782.
7. Пославский Ю.П. Экономический очерк Таджикистана. - В кн.: Таджикистан. Ташкент, 1925, с.188.
8. Семенов А.А. Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза. М., 1903, с.34.
9. Там же, с.47.
10. Андреев М.С. По Таджикистану. Краткий отчет о работах этнографической экспедиции в Таджикистане в 1925 году. Ташкент, 1927, вып.1, с.21, 22, рис. 13-15.
11. Там же, с.21.
12. Кисляков Н.А. Кулябские таджики. - Сообщения ТаджфАН СССР, вып. X1, Сталинабад, 1949, с.35, 36.
13. Писарчик А.К. Кулябская этнографическая экспедиция в 1948 г., с.89; Писарчик А.К. и Кармышева Б.Х. Указ. соч., с.93, 94.
14. Воронина В.Л. Заметки о народной архитектуре Южного Таджикистана. СЭ, 1957, №1, с.138-145. Опубликованные данные Кулябской этнографической экспедиции остались неизвестными В.Л.Ворониной.
15. Воронина В.Л. Указ соч., рис. 1 и 2.
16. Андреев М.С. По Таджикистану, с.22.
17. ТК и Д, вып.2, с.35-37, рис. 7.
18. Мухиддинов И. Традиционное жилище среднего течения р.Вахш в зоне затопления Нурекским водохранилищем. XIX-начало XX в. - В кн.: Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 1982, с.210-225.

19. Борозна Н.Г. Материальная культура узбеков Бабатага и долины Кафирнигана. - В кн.: Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. М., 1966, с.105, 106.

20. О свойствах лёсса как строительного материала и о возведении стен из битой глины см.: Писарчик А.К. Строительные материалы и конструктивные приемы народных мастеров ферганской долины в XI-X-X-X вв. - В кн.: Среднеазиатский этнографический сборник, 1 - Тр/ ИЭ АН СССР, нов. сер., т.XX1. М., 1954, с.225-227.

21. Об устройстве чум-капе см.: Кармышева Б.Х. Узбеки-локайцы..., с. 135, 136.

22. Выглаживание краев, чтобы поверхность стен была гладкой, стало широко применяться локайцами только с 1940-х гг., да и то лишь при постройке жилых домов, в то время как у таджиков это практиковалось издавна (ТК и Д, вып.2, с.26).

23. ТК и Д, вып.2, с.26.

24. Кармышева Б.Х. Узбеки-локайцы..., с.137-139.

25. О сандале и других видах отопления см.: Писарчик А.К. Традиционные способы отопления жилищ оседлого населения Средней Азии в XI-X-X-X вв. - В кн.: Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 1982, с.69-111.

26. Писарчик А.К. и Кармышева Б.Х. Указ. соч., с.93; Воронина В.Л. Указ. соч., с.141. В.Л.Воронина считает этот канал не поддувалом, а дымоходом. Однако в пользу мнения А.К.Писарчик говорит тот факт, что канал этот начинался от нижнего края очажной ямы.

27. О бытовавших в прошлом видах освещения жилища см.: Кармышева Б.Х. Узбеки-локайцы..., с.139,

28. Там же, с.137.

29. На дома "с крышами, как на русских избах", и на очень длинные постройки, "напоминавшие помещичьи служебные постройки в Малороссии" обратил внимание в локайском кишлаке Дектюров в Бальджуанском бекстве в 1899 г. В.И. Липский (Липский В.И. Указ. соч., с.585).

30. Борозна Н.Г. Указ. соч., с.106.

31. ТК и Д, вып.2, с.37.

32. Н.Г. Борозна в своей работе об узбеках-дурменах, живущих по соседству с локайцами и очень близких им по традиционной культуре, в качестве парадной комнаты описывает нарядную комнату молодой пары, неверно называя ее мехманхана (Борозна Н.Г. Указ. соч., с.107, 108). Собственно мехманхана не имеет нарядного джука и вышивок типа айна-хальта, этих атрибутов свадебного жилища.

33. Долон, долун - веранда в домах таджиков Куляба (Воронина В.Л. Указ. соч., с.140), а также Каратегина и Дарваза (ТК и Д, вып.2, с.62-67), в равнинных районах называемая айвон, пешайвон.

34. ТК и Д, вып.2, с.99, 101.

35. Мандже, видимо, заимствовано у афганцев, ибо на языке пушту мандж - постель, кровать (Асланов М.Г. Афганско-русский словарь (пушту). М., 1966, с.854).

36. ТК и Д, вып.2, с.102.

37. Начальный этап процесса перехода локайцев к оседлому жилищу освещен мною в другой работе (см. примечание 2). Для него были характерны различные шалаши преимущественно из тростника и осоки, а также чоптара, которая при недостатке леса могла сооружаться круглой в плане, подобно юрте и большинству шалашей. Прямоугольная же чоптара представляла собою примитивный однокамерный дом с тонкими и низкими стенами, небрежно сделанными из паксы, без потолка; стены, как и земляной пол, не обмазывались, ниши и суфа отсутствовали; дверной проем закрывался, подобно входу в юрту, свисающей тростниковой циновкой или войлоком; обогревался и освещался дом костром.

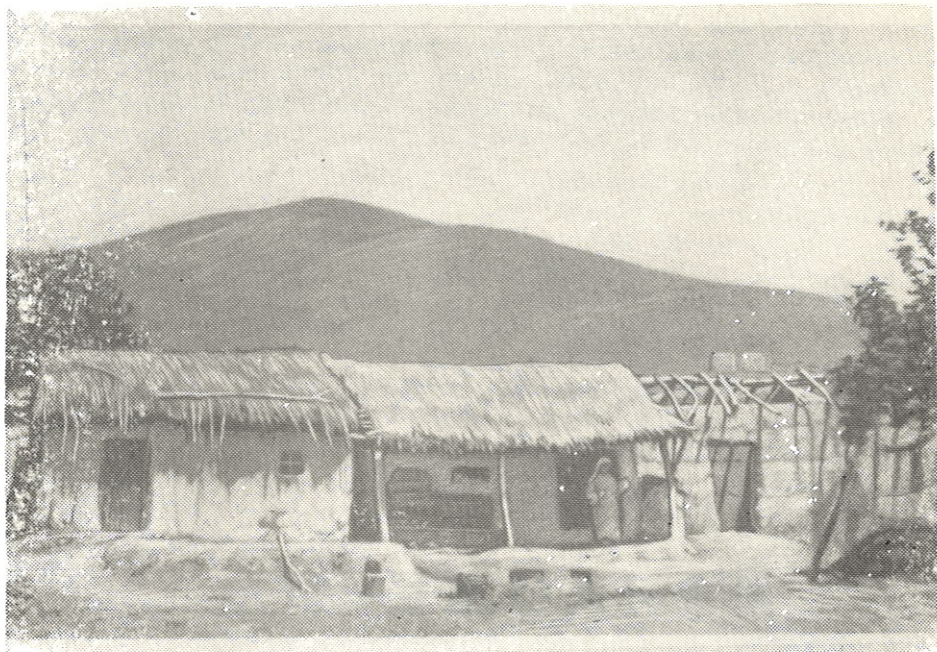

Рис. 1. Дом в кишлаке Казак Кызылماзарского района: под тростниковой крышей — старый дом, превращенный в кладовку (состоит из жилой комнаты и передней); под обмазанной глиной крышей — новый дом, состоящий также из жилой комнаты и прихожей; к нему пристраивается более просторный дом из двух помещений того же назначения (начато возведение каркаса крыши — видны продольная балка и поперечные жерди). 1954 г. Фото П. Г. Чучева

Рис. 2. Крыша-потолок; продольные слуги заменены пучками тростника; видно скрепление поперечных жердей к продольной балке с помощью крученных фисташковых прутьев. Кишлак Уразбай Даганакиинкского района. 1953 г. Фото Н. В. Темнова

Рис. 3. Покрытие крыши осокой и сеткой из травяных веревок и пучков тростника. Кишлак Уразбай Даганакинского района. 1953 г. Фото Н. В. Темнова

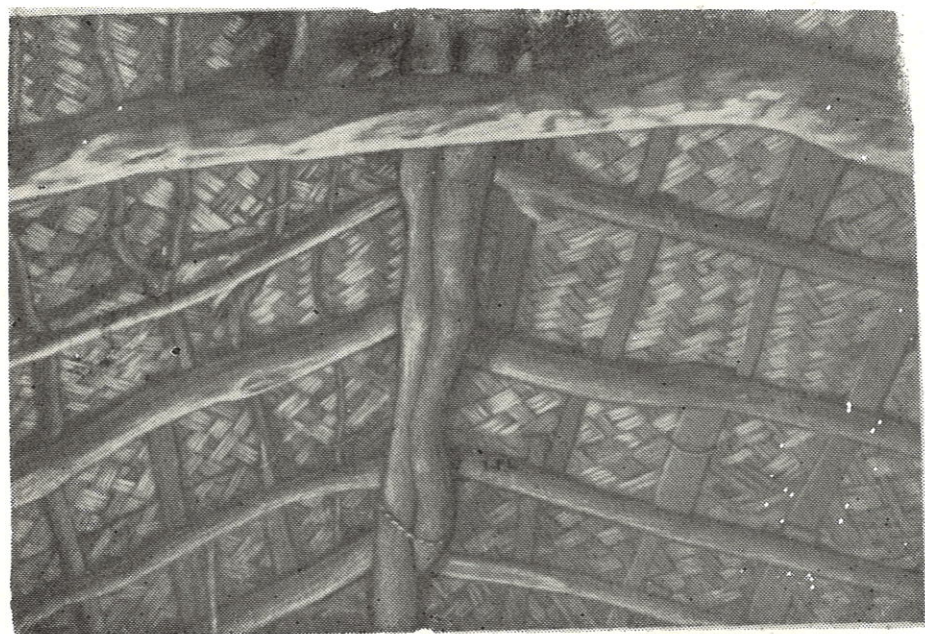

Рис. 4. Крышка-потолок, застеленный циновкой, в доме Худояра Алишера. Кишлак Бурдангаль Кызылмазарского района. 1954 г. Фото П. Г. Чучева

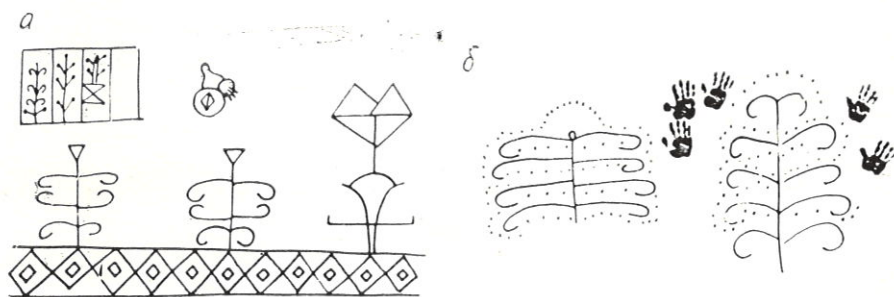

Рис. 5. Рисунки на стенах дома Тагаева Эргаша в кишлаке Обикинк Даганакинского района:
 а — на внутренней стене далана; б — на наружной стене фасада. 1945 г.
 (по рисунку автора)

Рис. 6. Суфа во дворе (между домом и хозяйственной постройкой). Кишлак Уразбай Даганакинского района. 1953 г. Фото Н. В. Темнова

Рис. 7. Дома с верандой *бастырма*:
 а — Балта Гуляева в кишлаке Дават Кызылماзарского района; б — Гуля Табарова
 в кишлаке Бурдангаль того же района. 1954 г. Фото П. Г. Чучева

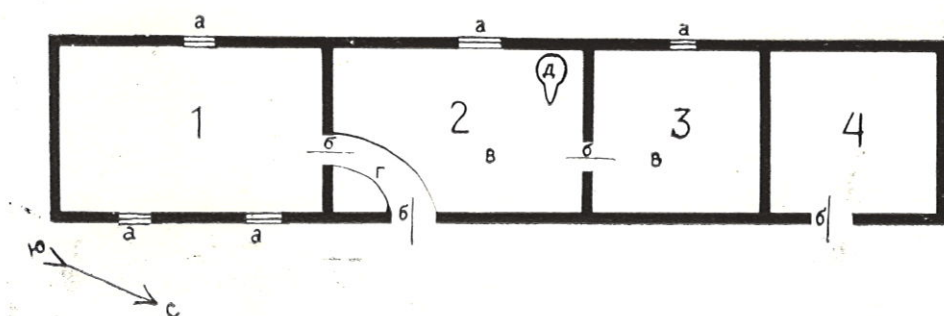

Рис. 8. Схематический план дома колхозника Одины в кишлаке Баглы-Шаршар Даганакинского района: 1 — киргич-уй; 2 — далан; 3 — амбар; 4 — курайкана; а — дариче; б — йешик (дверь); в — супа; г — чол («проход»); д — очаг. 1945 г. (Обмер автора)

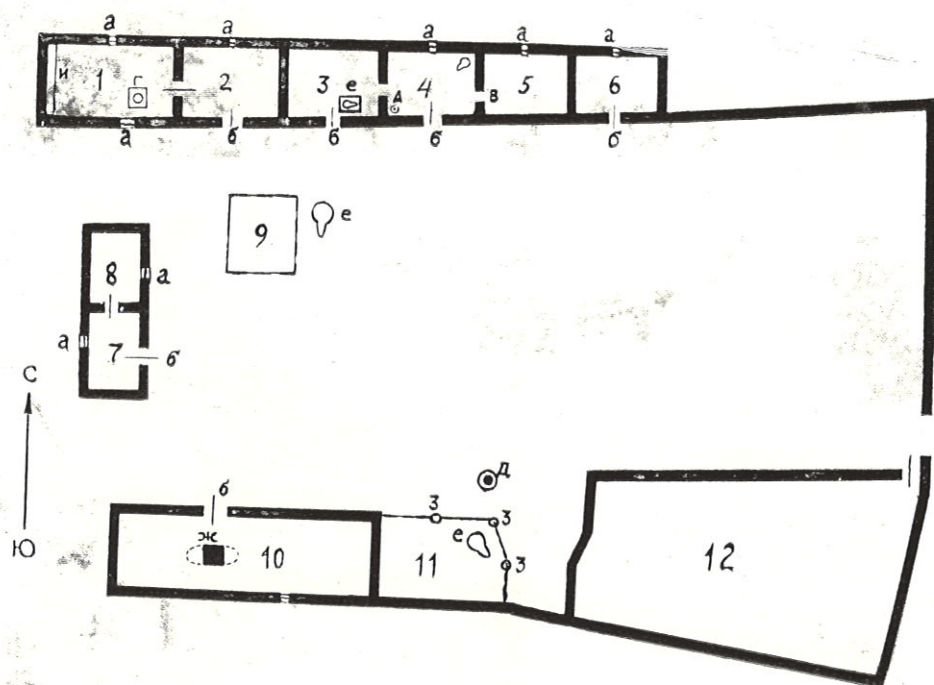

Рис. 9. Схематический план усадьбы Эргаша Тагаева, председателя колхоза, в кишлаке Обикик Даганакинского района: 1 — киргич-уй; 2 — далан; 3 — ашкана; 4 — далан ашканы; 5 — сабан-кана; 6 — тезаккана; 7 — далан мийманканы; 8 — мийманкана; 9 — супа; 10 — агыл (хлев); 11 — бастырма (навес); 12 — там-арты (огород); а — дариче; б — йешик; в — ауз (проем); г — сандал-очаг; д — чай-очаг; е — очаг; ж — ахур (ясли); з — сутун (столб-подпорка, поддерживающая навес); и — сокирчек — подставка под постельные принадлежности, узлы с одежкой и др. 1945 г. (Обмер автора)

Рис. 10. Мехмонхона председателя колхоза Хакима Караева. Верхний этаж (балахана) служит для хранения сена; рядом помост для сна в летнее время (на него ведет глиняная лестница), за ним — передняя жилого дома. Кишлак Баглы-Шаршар Даганакинского района. 1945 г. (по рисунку автора)

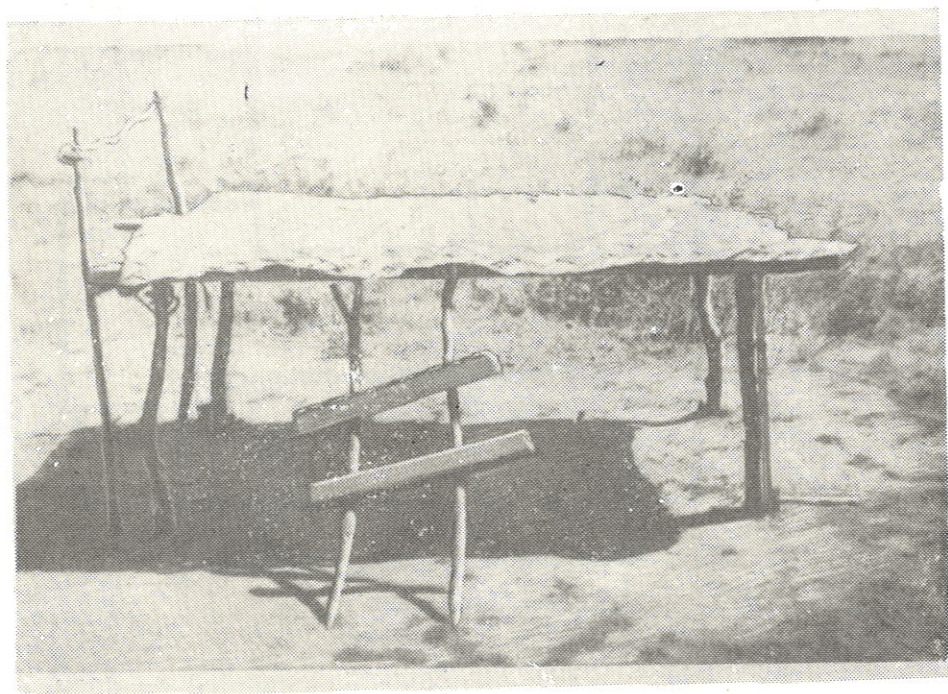

Рис. 11. Чайля — помост для сна во дворе. Кишлак Казак Кызылмazarского района